

Лиденкова О. А.,
кандидат филологических наук,
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины (Беларусь)

СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА

Постановка проблемы. Историческая, или историоцентричная литература, – актуальный феномен современной национальной литературы [5, 134]. Это обусловлено в немалой степени сложившимся в обществепарадоксом. С одной стороны наблюдается очередной всплеск интереса к национальной культуре, проводятся соответствующие исследования, пишутся книги и монографии, организуются клубы. С другой стороны в условиях остро стоящей в обществе проблемы национальной идентичности, для достаточно большой части населения история собственной страны остается малоизвестной, ее знание лишено целостности, оставаясь на уровне разрозненных имен и фактов. В таких обстоятельствах все сильнее ощущается потребность в общепризнанной исторической концепции, своеобразном объединяющем национальном мифе, ведь только в человеческом сознании, в мифах нация приобретает реальность [1]. Этим обусловлена особая востребованность на современном этапе белорусского исторического романа, в котором важным становится не просто информирование читателя, но идейный посыл, интерпретация действительности, мифотворчество. Все это ведет к усилению психологизма, появлению скрытого (символического) плана повествования, присутствию в едином художественном целом различных и исторически далеких пластов действительности. Задача писателя усложняется необходимостью не только осмыслить скрытые механизмы, закономерности общественного и исторического развития, но и привлечь массового читателя, часто не склонного к рефлексии и долгим философским размышлениям. Интеллектуальная проза, попытка сформулировать национальную идею прячутся под внешней развлекательностью, ведь когда за внешним смыслом скрыт другой, а под ним – еще один, их “постепенное понимание дает нам гораздо больше, чем мы осознаем, и гораздо больше, чем мы могли бы получить через неприкрытый дидактизм” [7]. Таким образом, глубина восприятия будет варьироваться в зависимости от потребностей, готовности и способностей каждого читателя.

Анализ основных исследований и публикаций по теме. Между тем, способы и средства осуществления стоящих перед белорусской исторической прозой задач недостаточно исследованы. Отдельные аспекты темы рассматриваются в статьях I. Штейнера, М. Тычины, Л. Синьковой, И. Шавляковой, О. Безлепкиной, где раскрывается место белорусской литературы среди мировой, национальные особенности стиля и проблематики (в том числе идейная и художественная преемственность в белорусском литературном процессе на современном этапе), некоторые структурообразующие элементы концептосферы “историоцентричных” романов, нациотворческие попытки новейшей белорусской литературы в свете

постепенного изменения культурной парадигмы. Однако отсутствие целостного, последовательного и комплексного изучения национального исторического романа обуславливают возрастающую актуальность подобных исследований.

Нерешенные проблемы, которым посвящена статья. В статье предпринята попытка рассмотреть причины отказа авторов современного исторического романа от простого “рассказывания”, информирования читателя в пользу интеллектуализации жанра. На примере произведений Л. Рублевской выявляются приемы рефлексии над исторической судьбой своей страны. Таким образом, **цель** статьи – выделить способы, какими историческая проза пытается преодолеть существующий кризис идентичности, когда прошлое помогает осмыслить и объяснить настоящее. При этом необходимо решить следующие **задачи**: рассмотреть жанровые модификации современного исторического романа; выявить авторские стратегии мифотворчества как способы трансляции новых идеологем; понять специфику модусов осмысления и интерпретации действительности.

Изложение основного материала. На современном этапе одним из наиболее успешных авторов, пытающихся создать в своем творчестве некую концепцию белорусской истории, ремифологизировать прошлое, является Л. Рублевская. Так как мифологизация любого явления подразумевает создание иллюзии естественности, извечности мифа, идейный посыл зашифровывается, скрывается, что требует от читателя определенных интеллектуальных усилий. Романы Л. Рублевской – это, прежде всего, романы идей, а, как известно, воздействие, которое не “способно избежать нашего рассудка, не проникнет слишком глубоко” [6]. Поэтому на первый взгляд такой роман создается в русле массовой литературы и строится по канонам острого авантюрного детектива в историческом обрамлении.

Внимание читателя привлекается серией необъяснимых исчезновений или фамильной тайной, для женской аудитории вводится любовная линия. Однако решение исторической загадки является лишь фоном, центральный же вопрос повествования – личностное становление героя, его нравственное возвышение или падение, а в его лице – прогнозирование, просчитывание будущего нации. Л. Рублевская нередко обращается к наиболее спорным и болезненным моментам истории, когда народ словно упустил данный ему шанс. Проблема межвременья как постоянного состояния страны, вечного “между” принимает роль рокового “почти”, которое довлеет над судьбами героев: слишком раннее счастье (как не вовремя откушенный кусок торта), вроде бы удачная, но не дающая душевного равновесия жизнь и работа, карьера “амаль культавага пісьменніка” [2]. Сломанные двенадцать часов Бернацони из романа “Скокі смерці” – словно символ застывшего для страны времени, которое пытается запустить главный герой – искусный мастер. Но и достижение цели таит опасность, так как привыкшие к бездействию неподготовленные души могут просто не совладать с потоком времени, который увлечет их, как персонажей старинной *danse macabre*, к гибели. Возможно, поэтому роман оканчивается на пороге избавления, а время течет в состоянии ожидания грядущего героя.

Автором поддерживается идея постоянного повторения истории, незнание которой и заставляет человечество снова и снова возвращаться к пережитым трагедиям. Прошлое автор воспринимает как учителя настоящего, когда на современниках лежит ответственность не повторять и исправить ошибки прошлого. Герои настоящего словно получают шанс своей судьбе заново пережить и исправить грехи предков. Решение подобной задачи достигается сочетанием разнообразных жанровых стратегий, не только исторического, но и готического, детективного, любовного, фэнтезийного романа.

Писательница предпочитает сама указывать жанр своих произведений – “паралельны”, “татычны”, “раман-інструкція”, но на самом деле ее произведения выходят за рамки этих определений и практически каждый роман является и готическим, и параллельным, и детективным, представляя собой сложный жанровый сплав. Таким образом создается многоуровневый текст, наполненный символикой (христианской, алхимической, астрологической), эпитафиями, реминисценциями, аллюзиями, отсылками к Библии, античной мифологии (“Сутарэнні Ромула”), зарубежной и отечественной литературной классике (Сервантесу, Данте, романтикам); ведется скрытая и явная литературная полемика (например, в защиту творчества В. Короткевича).

Преобладает ориентация на западноевропейскую культуру. Особенно тесную связь можно отметить с английской литературной традицией. Центральные женские персонажи во многом напоминают героинь романов Дж. Остин или сестер Бронте, в то время как мужские персонажи воплощают различные черты канонического байронического (анти)героя, присутствует также типаж “готической героини”: “*Їй хацелася быць падобнай на віктарыянскую класную даму, якую-небудзь міс Тэмпль: годнасць, бездакорныя манеры – трымай дыстанцыю, мінак*” [4]. Вспомним, что оригинальная *Miss Temple* – любимая учительница Джейн Эйр. Не осталась без внимания и современная английская литература, в частности, цикл Дж. Роулинг о Гарри Поттере, аллюзии на который видны, по крайней мере, в двух романах писательницы (“Забіць нягодніка”, “Сутарэнні Ромула”). Большинство подобных явных и скрытых цитат и отсылок остаются без комментариев (например, почему героя по имени “Вінцэс” любимая девушка предпочитает называть Роландом) и в этом плане писательница достаточно требовательна к читателю.

Одним из излюбленных приемов мифотворчества автора является введение сквозных персонажей и событий (и выдуманных, и реальных), которые упоминаются в различном контексте в нескольких романах, увязывая разновременную ткань произведений в систему исторической преемственности.

Отличительная черта текстов писательницы в том, что в них ощущение истории (дух времени, психология, эмоции) важнее фактологии. Возможно, благодаря этому созданные ситуации гораздо более запоминаются и привлекают читателя, чем если бы они изобиловали датами и точными выкладками. Судьбы персонажей ненавязчиво и очень естественно вплетаются в канву реальных событий, которые в свою очередь пересыпаются сопутствующими легендами и фольклорными поверьями, создавая ощущение аутентичности и погруженности в

атмосферу соответствующей эпохи. Тщательно проработанный исторический фон, факты вводятся исподволь, через строчку диалога, воспоминание, бытовую деталь, не снижая динамику сюжета пространными описаниями. Именно поэтому на первый взгляд второстепенные детали в романах Л. Рублевской оказываются очень значимыми, и с их помощью писательнице удается создать многомерные образы: *“Могілки, звичайня, гарадські, з шэрымі бетоннымі помнікамі, падобнымі на недабудаванья трансфарматарныя будкі <...> аблічча святара – засяроджанае і прасветленае, як і належыць на вялікай урачыстасці – адданні душы небу; яркае веснавое сонца – душа не зблудзіць; парасткі травы ў чорнай урадлівай зямлі – быццам вітаюць новага пасяленца”* [4]. В этом небольшом описании сливаются сразу несколько модусов восприятия действительности: атеистический (материалистический) с утилитарным унылым принятием смерти; религиозный: смерть как встреча с Богом; языческий: душа на пути к солнцу; философско-эстетический: контраст зеленого и черного, жизни и смерти, ростки как символ вечного круговорота.

Описание башни грифонов (“Сутарэнні Ромула”) может остаться лишь колоритной деталью повествования, но почему из всех достопримечательностей Петербурга автор остановилась именно на грифонах понятно лишь в контексте всей алхимической структуры романа. Грифон, философский камень – намеки на конечную цель, к которой движутся не только реальный исторический аптекарь-алхимик Пель, но и современный герои, переплавляющие свои несовершенные, закомплексованные и поработанные души на пути к духовному золоту преображения и возрождения.

Можно утверждать, что автор видит историю через личность, но не личности великих героев, правителей, а тех, казалось бы, незаметных и незначительных людей, которые ездят в трамваях, пишут стихи в тонкие тетрадки, мечтают об отдельной квартире, то есть тех, из которых и состоит народ. Решение, которое предлагает писательница – изменить ход истории можно только если изменится каждый обыватель, если тот самый “средний” представитель нации вдруг вспомнит о том, кто он сам, на какой земле жили его предки, на каком языке они говорили. В этом случае через преображение частного человека только возможно возрождение всего народа.

В романах Л. Рублевской судьба человека (центральных персонажей) претворяется в судьбу нации, они отражаются друг в друге, как в зеркале, не случайно излюбленным приемом писательницы является параллельное развитие судеб героев в прошлом и настоящем. В этом плане показательна легенда о “грешной лягушке” (“жабке”), которая лежит в основе романа “Золатазабытых магіл”. Участники восстания терпят поражение в том числе и из-за внутренних противоречий и разобщенности сражающихся групп, которые относятся к различным слоям общества, словно не только герои, но и весь народ уклонился от своего долга, не сдержал слова, и теперь все современники – их потомки – “жабкі”, которые должны совершить свой маленький подвиг, чтобы искупить ошибки предков.

Центральный сюжет романов – разгадка тайн прошлого или поиск семейных реликвий – оказывается поиском себя, что автор показывает через символический язык, прибегая, в частности, к приему литературной алхимии, когда сюжет следует логике магнаторус и его стадиям смерти-растворения, очищения, восстановления и возрождения. Не случайны ассоциации с Данте – *“Калісьці Дантэ прьдумаў свой план пекла”* [2]. Герои Л. Рублевской спускаются в личный ад, чтобы преобразиться через обстоятельства, которые заставляют осознать неприглядные стороны собственного характера, принять правду о прошлом своей семьи. Сопутствующая символика многообразна – от попадания в узкие тесные помещения с низкими потолками, до алхимического образа здания-дракона (“цмока”), который глотает героиню. Судьба героя зашифровывается или предсказывается в соответствующей анималистической символике (образы волка-оборотня, льва, лебедя). Герметическая символика цвета – последовательная смена преобладающего серого/черного, белого, желтого, красного, золотого – индикатор той стадии духовного развития, на которой находится герой. Механизм действия такого приема, его цель – чтобы через идентификацию с героем, прохождение вслед за ним через страдания, символическую смерть и возрождение в новом качестве (своеобразный катарсис) созданная в романе историческая мифология осталась в душе читателя и, возможно, хоть немного изменила его самого.

Повествование, как правило, выдержано в романтически-фентезийной стилистике, которая неожиданно возникает в обыденно-приземленном контексте, словно некий более совершенный, идеальный мир, атмосфера потерянного “золотого века” на мгновение проглядывает в будничную реальность: нежданный гость выглядит *“як апошні паляўнічы на кентаўраў”*, художница-наркоманка превращается в *“Эльфійскую прынцэсу”* [3]. В то же время повествование не чуждо элементам сатиры и антиутопии, особенно ощущением полного господства неумолимой и равнодушной бюрократической машины, контроля безликих организаций (образ *“Шэрай Будыніны”*, *“Шэрага Гмаху”*). Бессилие человека в борьбе с системой показано, например, в образе фирмы “Солнечный рай”. Она возникает на последнем этаже “серого” здания как вызов установленному порядку, но прогорает, и теперь там выставка работ пациентов психдиспансера.

Современная реальность изображается, таким образом, в довольно ироничном тоне как театр абсурда, “палата нумаршэсць”, где выздоравливает главный герой “Сутарэнняў Ромула”. Описывается фальшивость, постановочность того образа истории и действительности, который формируется в сознании современного человека обитателями “Шэрых Будынін”. В романе “Скокі смерці” – это делается через неумелую и дилетантскую реставрацию одного из центральных образов-символов романа – башни (а с ней и всей истории страны), в “Сутарэннях Ромула” – через проходное описание съемок “лубочных”, имеющих мало общего с фактами фильмов о революции и Великой Отечественной войне. Показателен образ театра (“Золата забытых магіл”), здание которого – словно слепок всей истории народа: это бывший храм, но теперь высшую истину заменило лицедейство, в основе которого – иллюзия, неизбежное искажение, как

“бутафорські куст з пап’є-машэ з намалюванымі ружамі, падобнымі да сіняй капусты” [4]. Закономерно, что в этом же строении была и психиатрическая лечебница, и, как отмечается в тексте, “псіхіятр тут не лішні” в ситуации болезни душ, которая поразила весь народ. Спутанность мировосприятия современного обывателя выражена и в образе театрального привидения: “адны казалі пра белую манашку, другія – пра чорнага мніха <...> А вось сёння – нейкі гібрыд: манашка, але шэрая” [4]. Все это приводит к тотальному ощущению несвободы, заложниками которой становятся герои романов. Они – то шахматные фигурки, тозяц на батарейках из известной рекламы, то “парцэляनावыя лялькі” [3; 4]. Слабость воли, ведомость – та черта характера, с которой борются персонажи в бюрократизированном, пронизанном условностями мире, где человек живет “быццам унутры музычнага куфэрка <...> Рашчынскі кінуў погляд наверх, на зашклёнае акенца-ружу ў даху альтанкі, – нібыта чакаў сустрэцца з наблажліва-цікаўным позіркам агромністага назіральніка” [4].

Нейтрализация искусственности через мотив игры становится одним из ведущих в произведениях Л. Рублевской. “Усё на свеце – гульня”, утверждает один из ее героев и задумывает роман-игру с живыми людьми, своими знакомыми, причем не просто игру: “Я хаце ў Вялікай Гульні. Ты была ідэальнай гераіняй. Рамантычная, закамлексаваная, самотная” [2]. Так и писательница играет в демиурга, моделируя современную реальность, словно программируя ее определенным образом, не забывая, однако, что результат может и не совпасть с изначальным замыслом автора. Поэтому вроде бы счастливая развязка романов писательницы не обходится без примеси горечи, словно автор только намечает возможность оптимистичного финала истории и ждет уже реального, а не выдуманного завершения, как ее героиня ждет своего Юрася, а страна – героя, последнего белорусского рыцаря, Дон Кихота, который почему-то заблудился в пути.

Таким образом, в романах писательницы стоит отметить стремление решить несколько основных вопросов: возвращение чувства исторической принадлежности, восстановление исторической памяти через воссоединения потомков с их отцами, а также исследование некоторых сторон национального менталитета, точнее тех его негативных черт, которые мешают народу на пути становления и развития. Основная из них – утрата цельности, последовательности мышления, что ведет к культурной всеядности и эклектизму: “стол, накрыты шатландскіма брусам, беларускія грошы за кітайскую мятную гарбату” [2]. В частности, можно отметить трансформацию в творчестве писательницы архетипа сироты, что связано с поднимаемой проблемой исторической преемственности, оторванности от своего рода и корней даже ближайших поколений. Отсюда сквозной мотив пропавших отцов, детей как физических и духовных сирот, оторванных от наследия, которое теперь трудно и болезненно отыскивается, а завсем этим возникает образ народа-сироты, который готов назвать отцом кого угодно.

Следующая исследуемая черта характера – страх. Манипулятивная, контролирующая информационная среда рождает героя, который постоянно “чагось цібаіцца”, и этот страх заставляет соглашаться с тем абсурдом, который

окружает человека, угождать, забывать о собственных убеждениях, искажать истину за гонорар. Поэтому одна из основных задач героев – освобождение, достижение не внешней свободы (которая вроде бы есть), но внутренней: от влияния масс-медиа, чужих мнений (ложных мифов) и, как следствие, достижение целостности. В романе “Скокі смерці” освобождение достигается через память о смерти, которая одна уравнивает всех, вовлекает в свой хоровод и сильных мира сего, и простых обывателей. Пляска смерти – символ, в котором слит и буквальный смысл (описание реально случившегося необъяснимого психоза), и аллегорическое содержание средневековых гравюр (в частности, образ часов, которые преследуют героев романа), и переосмысление курса современной жизни. Центральная история романа – о девушке, которая сохранила рассудок в массовой истерии – превращается в историю о человеке, который должен выжить среди искушений современности: наркотиков, власти, денег, манипуляций СМИ: *“Часам, калі я ўключаю тэлевізар, не магу адагнаць думкі, што дзесь ці побач з убачаным цікаюць гадзіннікі Бернацоні <...> Ляціць шалёны карагод... Трымаемся мы ўсе за рукі, жывыя і нябожчыкі, і кіруе нашымі скокамі нехта нябачны і бязьлітасны, прагнучы ўлады. Але я ведаю, што заўсёды можна ўтрымацца ад шалёных скокаў”* [3]. Автор по крупным деталям, пытается воссоздать миф о народе и белорусе-человеке: *“А ён моўчкі стаяў і захоўваў у магутных, як спіна зубра, сценах дыханне часоў і прададзеную памяць. Так, гэты храм быў сапраўдным беларусам”* [4]. В этой попытке нет излишней идеализации или героизации, что видно из сквозного образа “ваўкалака”, в котором зашифрована еще одна из сторон менталитета. Это, с одной стороны, глубина, гибкость, способность жить в различных мирах, обстоятельствах, обличьях. С другой стороны – словно реализация поговорки “человек человеку – волк”: *“Беларусы шмат вякоў не могуць адшукаць самі сябе, – загадкава прагаварыў Скрыніч. – Ненавідзяць адно аднаго, знішчаюць адно аднаго, адмаўляюцца адно ад аднаго”* [2]. Темная сторона этого образа отсылает к мотивам предательства и братоубийства, пресловутым “двум душам белоруса”, отсутствию цельности и метанию между двумя церквями, двумя враждующими сторонами, то есть к вечной разобщенности.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования проблемы. Таким образом, на примере творчества Л. Рублевской можно видеть, что современный исторический роман Беларуси отличается многоплановостью и, как правило, является сложным сплавом нескольких жанров. Это, в первую очередь, обусловлено сложностью комплекса вопросов, которые в нем затрагиваются: переоценка ключевых событий прошлого и их интерпретация через духовно-культурный контекст, попытка соединить разрозненные факты в неразрывную цепь в стремлении создать новый национальный миф. Автор ставит и последовательно решает основные со своей точки зрения проблемы современности, выводя их в диалектике и контрасте с историческими путями развития народа: путь от неволи к свободе, восстановление исторической памяти, духовное возрождение. Поэтому современный белорусский исторический роман нередко является своеобразным интеллектуальным вызовом для читателя, требует внимания к

деталю, уміння проводити паралелі і читати між рядків. Важливість ідейного підтексту обумовлює сильні дидактичні мотиви білоруської історичної прози, яка ставить перед собою завдання не стільки розвважити читача, скільки через символічний, притчевий мову, складні аналогії, аллегорії і алюзії пробудити почуття національної гордості (або горечі), в якій-то мірі відтворити єдине, цілкове представлення про національну долю і історію, преподнести все це ненав'язливо, в "обертці" історичного детективу. Стаття охоплена лише частиною сучасної історичної прози, тому перспективним представляється комплексне дослідження теми з залученням широкого кола текстів.

Література

1. Андерсон Б. Вообразяемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма [Електронний ресурс] / Б. Андерсон ; [пер. с. англ. В. Николаева] // Большая онлайн библиотека E-Reading. – М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. – 288 с. – Режим доступа : http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/1002398/Anderson_Benedikt_-_Voobrazhaemye_soobschestva.html.
2. Рублеўская Л. Сутарэнні Ромула [Електронны рэсурс] / Л. Рублеўская // Беларуская інтэрнэт-бібліятэка. – М. : Кнігазбор, 2012. – 520 с. – Рэжым доступу : <http://kamunikat.org/download.php?item=22343-1.pdf&pubref=22343> Мінск.
3. Рублеўская Л. Скокі смерці [Електронны рэсурс] / Л. Рублеўская // Дзеяслоў. – 2005. – № 18–19. – Рэжым доступу : <http://kamunikat.org/dziejaslou.html>.
4. Рублеўская Л. Золата забытых магіл : паралельны раман [Електронны рэсурс] / Л. Рублеўская // Родныя вобразы. – 2003. – Рэжым доступу : http://rv-blr.com/demo/all_glava/3773.
5. Шаўлякова-Барзенка І. Канцэпт між-быцця ў "гісторыяцэнтрычнай" беларускай прозе першага дзесяцігоддзя ХХІ стагоддзя: мастацкія перспектывы нацыянальнага міфа / І. Шаўлякова-Барзенка // Навуковий вісник Волинського нац. ун-ту ім. Лесі Українки. Серія : філологічні науки. – 2011. – № 11 (222). – С. 133–139.
6. Lewis C. S. The Literary Impact of The Authorised Version [Electronic resource] / C. S. Lewis. – Mode of access : http://www.biblicalstudies.org.uk/pdf/kjv_lewis.pdf.
7. Lings M. The Secret of Shakespeare : part 2 [Electronic resource] / M. Lings // Tomorrow. – 1965. – Vol. 13. – № 2. – Mode of access : http://www.worldwisdom.com/public/viewpdf/default.aspx?articletitle=The_Secret_of_Shakespeare_part_2_by_Martin_Lings.pdf.

Анотація

Стаття присвячена дослідженню сучасного білоруського історичного роману як інтелектуальної прози на прикладі творчості Л. Рублеўської. Зроблена спроба прослідити, як за допомогою середньовічної і герметичної символіки проводяться паралелі між історією і сучасністю. Розкриваються деякі прийоми створення складного, багатопланового оповідання, для повноцінного розуміння якого від читача вимагається, перш за все, активна інтелектуальна робота, гранична увага до деталей, повторів, а інколи і досить обширні знання фактів і попередньої літературної традиції.

Ключові слова: білоруська література, історична проза, інтелектуалізація, національний міф, алюзія, символ, ідеологема.

Аннотация

Статья посвящена исследованию современного белорусского исторического романа как интеллектуальной прозы на примере творчества Л. Рублевской. Сделана попытка проследить, как с помощью средневековой и герметической символики проводятся параллели между историей и современностью. Раскрываются некоторые приемы создания сложного, многослойного повествования, для полноценного понимания которого от читателя требуется, прежде всего,

активная интеллектуальная работа, предельное внимание к деталям, повторам, а иногда и достаточно обширные знания фактов и предшествующей литературной традиции.

Ключевые слова: белорусская литература, историческая проза, интеллектуализация, национальный миф, аллюзия, символ, идеологема

Summary

The article is devoted to the study of the modern Belarusian historical novel as intellectual prose at the example of L. Rublevskaya's works. An attempt was made to trace how the use medieval and hermetic symbolism helps to draw parallels between the past and present. The study reveals some techniques of creating complex, multi-layered narrative, the full understanding of which requires from the reader, above all, active intellectual work, extreme attention to detail and sometimes quite an extensive knowledge of the facts and the previous literary tradition.

Keywords: Belarusian literature, historical fiction, intellectualization, national myth, allusion, symbol, ideologeme.

УДК 82–1/–9

Перенчук О. З.,

аспірантка,

Тернопільський національний технічний університет
імені Івана Пулюя

ФУНКЦІОНАЛЬНА І АКТАНТНА СТРУКТУРА ДЕТЕКТИВА

Постановка проблеми. Вивчення детективного жанру з наукових позицій розпочалося від середини ХХ століття. Зважаючи на те, що детектив як жанр відзначається високим рівнем формалізації, він може бути досліджений з позиції структурного літературознавства, зокрема із залученням наукових напрацювань, що ведуть свій початок від класичної праці російського фольклориста Володимира Проппа “Морфологія казки” (1928). Як відомо, учений проаналізував корпус зі 100 чарівних казок і встановив, що усі численні чарівні казки з усією їх сюжетною різноманітністю можуть бути зведені до єдиної нарративної схеми, що складається усього з тридцяти одного конструктивного елементу – так званих функцій (основних сюжетних подій або дій персонажів на зразок відправки героя з дому або боротьби з шкідником) [15].

Аналіз основних досліджень і публікацій по темі. Питання про межі застосовності системи Проппа обговорюється в літературознавстві вже тривалий час. Так, на думку Юрія Лотмана, усі спроби тлумачення проппівської моделі і застосування її до нефольклорних розповідних жанрів дали, загалом, негативні результати [11]. Структура чарівної казки відрізняється простотою і стійкістю.

Радянський структураліст Юрій Щеглов ставить питання про те, наскільки реальним є створення аналогічних моделей для опису власне літературних творів, зокрема, новел А. Конан Дойла про Шерлока Холмса. На його думку, “не слід вважати перенесення проппівського принципу на повноцінну літературу простою і механічною справою” [7], оскільки в літературних циклах інваріантні мотиви не розташовуються на одному рівні, не утворюють однієї лінії, а комбінуються між собою якимись іншими способами. Тому необхідно шукати складнішу описову модель, яка доповнювала б проппівську граматику.